

АНАСТАСИЯ ЗАЯЦ

ЕСЛИ СВЕТ НЕ ГОРИТ

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-40

Заяц, Анастасия Владимировна.

3-40 Если свет не горит / Анастасия Заяц. — Москва : Заяц А., 2026. — 352 с.

ISBN 978-5-600-05388-5

Вы держите в руках произведение о любви и всепрощении — о том, как, несмотря на всю боль и шрамы, все равно хочется сказать: «Мам, я люблю тебя».

«Если свет не горит» — роман-исповедь о том, как строится жизнь, когда фундаментом служит не любовь, а холодный прагматизм выживания. Героиня проходит путь от девочки, задыхающейся в дыму родительского равнодушия, до женщины, которая учится дышать заново.

Это книга о принятии: мать не станет идеальной, она просто настоящая, со своими изъянами, слабостями и силой. И чтобы спасти себя, нужно перестать ждать от нее света.

История острая, как осколок стекла, и честная до нервной дрожи.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-600-05388-5

© Анастасия Заяц, текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

1	5
Глава 1. Поезд Ереван — Словакия.	8
2	24
Глава 2. Папа/отец	25
3	42
Глава 3. Вырастить хороших людей	44
4	58
Глава 4. Кто этот человек?	59
5	75
Глава 5. Ненавижу клубнику!.	77
6	112
Глава 6. Дай конфетку ни за что....	114
7	127
Глава 7. Где же ты, Томас?	128
8	140
Глава 8. Овцу никто не съел	142
9	186
Глава 9. Яська	188
10.	202
Глава 10. Никто никому не звонил...	204
11	240
Глава 11. «О, мамы-мамы блу...».	242
12.	268

Глава 12. Артур, а потом Аиша	270
13.	301
Глава 13. Старалась быть хорошей	302
14.	329
Глава 14. И море заговорит со мной....	331

1

~~Тело мамы, с мешком на голове, обнаружили только на четвертый день...~~

Нет. Не так.

Вот так:

У меня хорошая коллекция ножей: филейный, сантоку, китайский топорик, шеф-нож, хлебный с зазубринами и другие. Они развешаны над столешницей в ряд на магнитных дощечках. Больше всего мне нравится нож для хлеба. Порезы от его лезвия получаются глубокие и рваные. Раны заживают долго и всегда превращаются в шрамы.

Три новых шрама за месяц. Раз, два, три, четыре, пять, шесть... итого четырнадцать.

Свежие ссадины горят огнем и на несколько дней отвлекают от боли, что живет внутри. На левой руке почти не осталось места. Я стараюсь прятать порезы под ремешком от часов или браслетами из толстых камней.

Сегодня надо было отправить посылку. Забывшись, я поставила коробку на весы. Браслет сдвинулся, обнажились кровавые полосы.

— Это что такое?! — воскликнула Лариса Павловна.

Строгая начальница почты пристально рассматривала меня. Ее взгляд так и лез в душу.

— Порезалась, — ответила я.

— Смотри у меня! — пригрозила кулаком Лариса Павловна.

Иногда внутри так болит, что хочется проткнуть руку гвоздем насквозь. Одной это сделать сложно, а просить кого-то помочь — нереально.

Наконец-то наступила осень. Отдыхающих становится меньше, пляжи пустеют, в воздухе пахнет прохладой и морем, а не чебуреками, вареной кукурузой и молочными коктейлями.

Я остановилась в одном из курортных поселков, чтобы купить виноград. Мускат, «антоний великий», «кеша» — самые любимые сорта моей дочери.

Бабка-татарка сидит в черном сарафане на краю обочины. Деревянные ящики доверху набиты гроздьями винограда. Бабка щурится на стрелку безмена¹.

— Отдыхаете? — поинтересовалась она.

— Живу я здесь, — ответила я грубо, не желая продолжать разговор.

— На море поедете? — не унималась бабка.

— Нет!

— Зря! Море — лечит...

Подняв клубы пыли, мой внедорожник вырвался на трассу. Я поставила радио погромче, но музыку заглушали слова бабки, звенящие в голове: «Море — лечит...»

Прошла неделя. Порезы почти зажили. Теперь они чешутся и раздражают.

Курортное, Морское, Береговое — вспоминала я поселки, в которых есть пляжи.

Тишина и уединение — вот что мне нужно. Поселок Прибрежное располагается прямо у моря, жилых домов там нет, только винзавод с закрытой территорией. Я оставила машину и пошла к воде.

¹ Безмен — простейшие рычажные весы, которые используются для определения массы предметов.

Песок с мелкой галькой, длинная полоса пляжа утыкается в гору. На море ни души, а я продолжаю идти. Мне хочется забраться в самое укромное место.

Я устраиваюсь на песке. Дыхание моря ровное.

— Здравствуй, Море.

Многие говорят, что Бог наградил меня особым даром, но для меня это — пытка. Моя память. До мельчайших подробностей я помню все, о чем мечтаю забыть.

Начну свой рассказ со светлого и счастливого времени, когда каждый день жизни был наполнен волнительной радостью.

ГЛАВА 1

Поезд Ереван — Словакия

1988/1989

Ереван 1988 год. Центральный рынок. Воздух горячий и пыльный.

«Пойдем скорее к выходу, ну пожалуйста!» — повторяла я в сотый раз про себя, мысленно обращаясь к маме.

Минуты казались мне часами. А мама спокойно продолжала ходить по торговым рядам. Она уже успела купить овощей и поторговаться за лучший кусок мяса; оставалось выбрать бастурму² (без прожилок) и зелень. На выходе с рынка мама покупала мне хачапури по-армянски — квадратные кусочки слоеного теста с соленоватым вкусом сыра. Стоило слегка укусить, и хачапури с хрустом крошилось. Я разбирала его на квадратики и ела по одному; аккуратно, чтобы ничего не уронить.

Хоть мне и было всего четыре года, мама отпускала меня за хлебом. В Ереване жара наступала очень рано. Еще не было семи утра, а я уже шла за горячим матнакашем³. От запаха хлеба щипало в носу, хотелось сразу же укусить. Я прижимала лепешку к животу,

² Бастурма — мясо, вяленое в специях, популярный деликатес армянской, турецкой, азербайджанской и среднеазиатской кухни.

³ Матнакаш — армянский хлеб, лепешка, похожая на толстый лаваш. Традиционно готовится на основе муки, воды, соли и дрожжей.

старалась не смотреть на нее, бежала домой. У меня ни разу не получилось донести матнакаш целым. Стоя у двери, я протягивала маме хлеб с откусанным краем или выгрызенной полоской.

Моим любимым завтраком была яичница с бастурмой и кинзой. Мясо мама нарезала тоненькими полосочками и, когда оно покрывалось хрустящей корочкой, разбивала в сковородку два яйца. Кухня заполнялась ароматом жареной бастурмы и красного перца. Секунды ожидания заставляли меня дрожать. Мама всегда посыпала яичницу кинзой. Капельки воды блестели на зеленых листочках. Оторвав кусок матнакаша, я быстро тыкала в центр подрагивающего желтка. Остро-соленая бастурма в сочетании с яичницей и кинзой была для меня вкуснее, чем торт или конфета.

Несмотря на то что в нашей семье еще был отец и старшая сестра Светка, большую часть времени я проводила с мамой. Мне хотелось думать, что и в садик она устроилась, чтобы быть рядом со мной. Там она придумывала сказки и потом по ним показывала нам, детсадовцам, театр. Мама пряталась под столом или за шкафом, на ее тонких пальцах покачивались глиняные фигурки деда, лисы, бабки и других героев. Я ловила каждое их движение, слушала разные голоса. Сказочное представление увлекало и завораживало.

— Мам, представляешь, нам сегодня показывали театр, — говорила я за обедом.

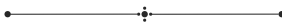
Она смеялась и повторяла:

— Это была я!

Я не помню, чтобы мама, работая в садике, повышала голос, но ее просьбы всегда исполнялись. Ей было безразлично, спим мы во время тихого часа или нет. «Не шуметь и не выходить из спального зала!» — это правило знал каждый. Маму слушались, немного

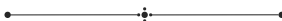
побаивались и очень любили. Она управляла нами, словно дирижер оркестром.

Молчаливая и строгая.

Был случай, от нечего делать я открывала ящики маминого стола, пока вдруг не обнаружила пластмассовые бусины. Какие-то были совсем маленькими, другие — побольше. Я выбрала среднюю бусину, покрутила в пальцах и, не раздумывая, засунула в ноздрю.

...Такси с бешеной скоростью петляло по пыльным улицам Еревана — мы мчались к хирургу. Меня пугала не столько бусина, мешающая дыханию, сколько злое лицо мамы. От ее молчания становилось холодно и неприятно. По возвращении от врача мама потащила меня за руку в свой кабинет. Там она — не кричала, хотя я готовилась именно к скандалу, — доходчиво объяснила мне, что больше так делать не стоит. Но о случившемся припоминала мне всю свою жизнь.

Иногда мама брала меня с собой в гости. Мне нравилось разглядывать тарелки, расставленные на столе. В медных вазочках блестел крупный желтый изюм, смешанный с миндалем и грецким орехом. Мама с Сусанной пили кофе из очень маленьких чашек, а потом переворачивали их на блюдца и гадали по размазаным рисункам.

Помню, во время наших прогулок, на улицах города пахло теплым воздухом и мясом, приготовленным на углях. Люля-кебаб мама любила больше привычного шашлыка. И спустя много лет после отъезда из Армении, оказавшись на пикнике, она всякий раз готовила для себя шампур с фаршем. Горячий люля-кебаб мама

складывала на лист лаваша и, щедро посыпав кинзой, ела. Радуюсь чему-то своему.

В Ереване время от времени случались пылевые бури. В такие моменты мама начинала суетиться: она бегала по квартире и с грохотом закрывала форточки.

— Отойди отсюда! — кричала она мне, когда я пыталась посмотреть, что происходит на улице.

Мне нравились пылевые бури. Воронка из песка поднималась до нашего восьмого этажа. Было страшно, интересно и волнительно. Мама говорила, что у меня аллергия на пыль. Возможно, именно из-за этого родители решили уехать из Еревана. Хотя, вероятнее всего, дело было в отце — ему дали направление на службу в Чехословакию.

Началась подготовка к переезду.

Я не знала другой жизни, кроме как в Ереване, в нашей квартире на высоком этаже. В тусклом свете лифта с легким покачиванием доезжали мы до самого верха. Только один раз мне пришлось подниматься пешком.

Был обычный жаркий день, я забежала в подъезд и нажала кнопку лифта. Ничего не гремело, не двигалось, непривычная тишина заполнила собой весь первый этаж. Я нажимала на оплавленный красный кружок, но двери лифта не открывались. Светка говорила, что в подъезде обитают огромные крысы. Мне казалось, она просто шутит.

Я никогда не видела живых крыс, но почему-то боялась их. Пролет за пролетом, я миновала уже половину пути, когда послышался писк. Тонкий, металлический, неприятный звук колол уши. Крыса сидела около мусоропровода спиной ко мне. Крупная, с ры-

жеватато-коричневой шерстью и длинным лысым хвостом. Местами мех на ее спине торчал пушистыми шариками и напоминал седые одуванчики. Я села на ступеньку, уткнулась лбом в прутья лестницы и, стараясь не дышать, наблюдала за животным. Крыса пожевала очистки от картофеля, понюхала вспученный слой краски на мусоропроводе, а потом повернулась в мою сторону. Я заплакала. Не сговариваясь друг с другом, мы решили бежать; я — наверх, крыса — вниз. Еще чуть-чуть, и рыжий мохнатый шар коснулся бы моей ноги, но мне удалось запрыгнуть на ступеньку. Крыса исчезла, а я, задыхаясь, продолжила подниматься на восьмой этаж.

Мама складывала наши вещи в коробки: посуду, книги; толстыми колбасами лежали в коридоре снятые со стен ковры. Я точно знала, что буду скучать по горячему матнакашу, острой бастурме, хачапури по-армянски, даже по крысе, с которой мы встретились в подъезде.

В Словакии все было незнакомым. Другое. Чужое.

По дороге мы на несколько часов вышли из поезда. Рельсы в Советском Союзе отличались по ширине от словацких. Цздан! Цздан! — раздавалось эхом по всей вокзальной площади. Это рабочие меняли колеса у нашего поезда. Вагоны напоминали собой беззубый рот.

(Позже, когда мы возвращались летом в Союз из Словакии, я осталась в поезде при смене колес. После трех ударов головой о верхнюю полку мне пришлось встать в проход купе. Поезд подпрыгивал, гремели молотки — я будто находилась в животе огромного кита, которого бьют.)

По приезде в Словакию мама устроилась на работу, Светка пошла в новую школу, а я большую часть времени проводила дома одна. Телевизор смотреть было неинтересно: передачи транслировали на чешском языке, а мультики про крота, как и про Лёлека

и Болека, мне не нравились. Читать я не умела, поэтому приходилось придумывать, чем себя занимать до прихода мамы. Как правило, это были игры в пиратов или прыжки в длину с дивана.

Как-то раз мне пришлось прятаться под одеялом до самого обеда, потому что на потолке сидела оса. А однажды меня напугал майский жук.

Я очень любила майских жуков. В них изумляло все: липкие шершавые лапки; плюшевый налет на спине; смешные брови, похожие на щетки для обуви. Много раз я просила отца или Светку поймать мне майского жука. Прошла неделя или больше, когда, вернувшись ночью с прогулки, сестра сказала, что оставила спичечный коробок в туалете. Я знала, кто там, и никак не могла дожждаться утра. И вот стукнула входная дверь — родители ушли на работу.

Жук коричневого цвета с серым пушком на крыльях крепко спал. Все мои попытки разбудить его провалились. Я трясла коробок, стучала по нему кухонным ножом, но ничего не происходило. Только к обеду ситуация поменялась.

Сначала жук медленно выполз из короба на плитку, после чего, подпрыгивая в воздухе, вылетел в коридор. Я не могла представить, что испугаюсь насекомого, которого любила и так долго выпрашивала. Жук стрекотал крыльями, кружил вокруг меня, подлетая все ближе и ближе. Я прижалась к входной двери и, давась слезами, стала звать на помощь.

Во всех квартирах на нашем этаже жили словацкие бабушки, которые совсем не говорили по-русски. Они выбежали на мой крик, но никак не смогли помочь. Я услышала голос тети Наташи, которая жила этажом ниже. Она поднялась ко мне и пыталась успокоить, говорила, что на жука надо накинуть тряпку. Я не стала этого делать, потому что боялась даже смотреть на насекомое — жук страшно жужжал и стрекотал. А потом пришла мама. Открыв дверь, она стукнула жука полотенцем и выкинула его.

После случившегося моя любовь к майским жукам уменьшилась и стала тихой, едва заметной.

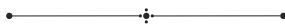

Мне четыре года. Каждое утро выходного дня начинается с самостоятельного похода в магазин. Я знала, что жирное молоко продается в красных пакетах, а обезжиренное — в голубых. Вместо привычного матнакаша на прилавках лежали странные изогнутые булочки, которые назывались *рогличками*. В магазинах продавцы улыбались мне и иногда дарили ириску на палочке.

От многообразия сладостей кружилась голова. Чаще всего мама покупала мне шоколадки DELI — небольшие батончики из нуги с фруктовой пастилой внутри. Они были разных цветов и вкусов. Больше всего мне нравились зеленые. Для себя мама брала каштановые шоколадки. Она ела их с горячим чаем или кофе и закрывала глаза от удовольствия. Я не знаю, какие сладости нравились сестре, я же обожала пряники. Мама покупала их редко. Огромные, со сливой на этикетке. Пряник был с корицей, внутри — джем, а сверху — шоколад.

Еще у мамы была какая-то необъяснимая любовь к шоколадному мороженому в вафельных стаканчиках. Она забивала им всю морозилку. Специальное «мамино» мороженое: ни отец, ни Светка его не ели. У меня с самого детства не сложились отношения с этим лакомством. Если мы ездили в город, мама со Светкой подолгу выбирали себе разноцветные шарики мороженого, а мне всегда брали пустой вафельный стаканчик.

— Тебе нельзя! Горло больное, — объясняла мама.

Неподалеку от того места, где стоял наш дом, располагался парк. Взрослые называли его Горкой. Возможно, из-за того, что он находился на возвышенности. Парк начинался с дорожки, ведущей к волшебному источнику. По легенде, слепая женщина пила из него воду и прозрела.

По обеим сторонам дорожки высились стеклянные колонны. Я брала палку и бежала, тарахтя ею по колоннам. По лесу разносилась сотворенная мной музыка. К роднику я прибегала запыхавшаяся и счастливая. Вода была невкусная и плохо пахла, но мама заставляла меня пить ее, утверждая, что она очень полезная.

В круглом фонтане стояли живые розовые птицы — фламинго. Взрослые восхищались их красотой, а мне они казались одноногими и какими-то хрупкими.

Рядом с одной из дорожек был автомат мороженого. Я аккуратно опускала в дырку одну крону и ждала, вытирая мокрые ладони о шорты. Через несколько секунд в пластиковом окошке появлялся вафельный рожок с завитком мороженого. Банановое, мягкое, воздушное и совсем не холодное. Единственное мороженое, которое мне разрешали есть.

Родителям нравился бар, спрятанный в густой зелени деревьев. Около небольшой бревенчатой хижины полукругом расставлены столы. В кружках, подсвеченное лучами солнца, янтарем горело пиво. Мама покупала для меня хрустящие палочки, истыканные кристаллами соли.

В один из вечеров родители засиделись допоздна. Сестра была с нами, она развлекалась, рассказывая страшные истории про водяного, который живет под землей за баром.

Я представила его зеленые густые волосы с кусками шершавых водорослей и красные глаза. Светка смеялась, а мне стало так страшно, что захотелось в туалет. На деревьях вокруг бара зажглись